

Использование животных в науке нарушает права ЖИВОТНЫХ

Дебаты по использованию животных для научных целей традиционно осуществлялись с позиций выступления за или против вивисекции. Но термин вивисекция плохо подходит для наших целей. Подвергать животное вивисекции означает рассекать его, резать, в то время как оно является живым. Не все методы, которые требуют нашего внимания, связаны с вивисекцией. Есть три главных области науки, в которой обычно используются животные. Это (1) биологическое и медицинское образование; (2) токсикологические испытания, где потенциальные вредные эффекты новых продуктов и лекарств для людей сначала проверяются на животных; и (3) оригинальные и прикладные исследования, включая не только изучение причин и лечения различных болезней, но также базовую биохимическую природу и поведение живых организмов. Все мы знакомы с использованием животных в образовании. Что касается использования животных в испытании на токсичность, это станет более ясным ниже, когда мы обсудим различные испытания, включая так называемое испытание на LD50. Возможно, некоторые люди могли бы возражать против включения всех трех видов под общий заголовок использования животных в науке. В частности, некоторые ученые могли бы иметь более узкую точку зрения на науку, согласно которой только оригинальное и прикладное исследование считается "подлинной наукой"; а использование животных в образовательных контекстах, или в токсикологическом испытании наукой не является, или не "настоящей наукой" во всяком случае. Эта более узкая концепция науки является понятной, если наука рассматривается исключительно с позиций изобретения и испытания первоначальных гипотез. Факт остается фактом: токсичность пестицидов, пищевых добавок, аэрозолей для волос и чистящих средств для печей определяется не колдовством или астрологией; это вопрос прикладной науки. И не для того, чтобы обучить людей филологии или бухгалтерскому учету лабораторные сечения проводятся на курсах по биологии.

Использование животных в образовательных целях

Животные многих видов используются разнообразными способами в образовательных целях, включая научные выставки, стандартные лабораторные рассечения для курсов высшей школы по биологии, зоологии, в проводимых студентами научно-исследовательских работах, в практической хирургии как в медицинских, так и в ветеринарных школах. Невозможно даже приблизиться к исчерпывающему рассмотрению многочисленных видов использования.

Как сельскохозяйственные и дикие животные не должны считаться как возобновляемые ресурсы, так и лабораторные животные не должны так же рассматриваться.

Приобретение знания является хорошей вещью, но ценность знания сама по себе не оправдывает причинения вреда другим, тем более тогда, когда это знание доступно другими средствами. В случае знания анатомии и физиологии животных, изучаемых в биологии, зоологии и связанных с ними курсах высшей школы, это знание доступно без того, чтобы полагаться на практический опыт. Студентам нет необходимости рассекать каких-либо известных животных, чтобы узнать факты об их анатомии и физиологии. Детальные рисунки анатомии и физиологии животных существуют в изобилии и обычно включаются в сами тексты, используемые в таких курсах. Согласно точке зрения прав продолжать включать стандартные лабораторные сечения живых животных так же не нужно, как и необоснованно. Наши оппоненты утверждают, что опыт рассечения нельзя получить иным способом. Это верно, но не имеет отношения к делу. Морально нельзя оправдать делание чего-то просто на том основании, что иначе нельзя получить опыт. Если бы этого было достаточно, можно было оправдывать делание чего угодно: от изнасилования до убийства.

То, что происходит, скажем, в биологической лаборатории, не происходит в вакууме. Это является как результатом, так и одной из причин преобладающих негативных культурных верований и традиций в отношении животных. Приобретение этих верований и представление этих традиции представляет собой часть нашего воспитания в традициях культуры. Точка зрения прав бросает вызов некоторым из этих верований, отношений и традиций. Она отвергает точку зрения о том, что животные являются простыми вместилищами или удобными возобновляемыми ресурсами, и подтверждает, что они имеют свою собственную ценность, независимую от человеческих интересов. Далее, культурное принятие точки зрения прав зависит от того, насколько хорошо оно воспринято и передано в системе образования, включая курсы наук. Действительно, именно эти курсы, больше чем любые другие, имеют самый большой потенциал поощрять культурное принятие точки зрения прав. Нельзя требовать от студентов рассекать живых животных. Требовать это - означает помогать поощрять веру, что животные не имеют морального значения. За пределами лаборатории находится мир Биг Маков, жареных цыплят по-кентукски, охотничьих поездок по уикэндам, коммерческой охоты на китов, меховых пальто, родео, петушиных боев - всех признаков негативного отношения нашей культуры к животным, как будто эти живые существа являются предметами потребления или вещами. Прекращать требовать этого означает делать важный шаг в противоположном направлении.

Токсикология

Животные обычно используются для тестов на возможную токсикологическую (буквально, отравляющую) угрозу, представляемую разнообразными коммерчески изготавливаемыми изделиями, предназначенными прежде всего для человеческого использования. Испытываются два вида веществ: терапевтические и нетерапевтические. Первые представляют собой лекарства, которые могут облегчать или вылечивать патологические состояния (например: подагру, язвы, высокое кровяное давление). Класс нетерапевтических изделий включает все остальное. Ниже приводится список нетерапевтических изделий, проверяемых на токсичность:

Инсектициды, пестициды, химические антифризы, тормозные жидкости, отбеливатели, посыпки для Рождественской елки, церковные свечи, чистящие вещества для серебра, чистящие вещества для печей, дезодоранты, освежители для кожи, препараты для детей, пенки для ванны, кремы от веснушек, депиляторы, тени для глаз, мелки, огнетушители, чернила, масла для загара, лак для ногтей, тушь, аэрозоли и ополаскивания для волос, смазки для застежки молнии, краски, термометры и детские безделушки. Ради простоты, терапевтические изделия будут обычно упоминаться просто как лекарства, в то время как нетерапевтические изделия будут упоминаться как товары.

Виды испытаний на токсичность.

Даллас Пратт, американский медик, предлагает следующее определение ядовитого вещества. «Вещество» определяется как яд, если, когда оно съедается, вдыхается или поглощается через кожу, вызывает своим химическим действием либо повреждение структур, либо нарушение функции, или то и другое». Стандартные процедуры тестирования включают (1) острую токсичность, (2) субострую токсичность и (3) хроническую токсичность. Тест на острую токсичность Пратт характеризует как "поиск неблагоприятной реакции на дозу высокого уровня", в то время как субострые тесты " в общем ... определяют биологическую активность состава, оценка дозировки "никакого эффекта" и "максимально допустимой дозировки". Последние тесты обычно проводятся на протяжении трехмесячного периода; первые требуют более короткого времени. Долгосрочные токсические эффекты малой дозировки вещества оцениваются в испытаниях на хроническую токсичность, которые обычно занимают приблизительно два года. Тесты на канцерогенность на животных попадают в эту последнюю категорию. Кроме того, существуют другие стандартные тесты для некоторых товаров (например, косметики), включая испытания на раздражение глаз и кожи.

Число животных, используемых в испытаниях на токсичность в Соединенных Штатах неизвестно, но, используя доступную британскую статистику, Пратт оценивает, что приблизительно 20 процентов из 100 миллионов животных, используемых для научных целей в нашей стране, используются в токсикологии. Это дает приблизительно 20 миллионов животных. Среди обычных признаков токсического воздействия вещества на подопытных животных Пратт перечисляет следующее: "необычная вокализация, неугомонность, дерганье, паралич, конвульсии, жесткость, вялость, слюнотечение, слезотечение, вздутие сексуальных органов и груди, сыпь на коже, выделения, включая кровотечение из глаз, носа или рта, необычная поза, истощение". Короче говоря, тесты на токсичность причиняют вред животным не только когда они доставляют им острое или хроническое страдание или стресс. Животные, которые парализованы, могут не испытывать боли, но это не подразумевает, что им таким образом не причиняется вред. В ряде книг подробно ведется хроника этих испытаний. Мы будем удовольствоваться более полным описанием только одного испытания - испытания на острую токсичность, известного как тест LD50. Никто не может дать описание лучше, чем дает Сингер:

«Стандартный тест на токсичность, или степень, в которой вещество является ядовитым, - это тест на "Смертельную дозировку 50", испытание, обычно сокращенно называемое LD50. Цель этого испытания состоит в том, чтобы определить уровень дозировки, при котором 50

процентов подопытных животных умрет. Обычно это означает, что все животные окажутся очень больными прежде, чем половина, наконец, погибнет, а другая половина выживет. В случае довольно безвредных веществ все равно считается хорошей процедурой найти концентрацию, которая заставит половину животных умереть; следовательно огромные количества используемых веществ должны быть насильственно скормлены животным, и смерть может быть вызвана просто большим объемом или высокой концентрацией, данной животным.... Также нормально позволять процессу отравления идти своим полным ходом, пока не наступит смерть. Освобождение умирающих животных от их страданий могло бы дать неточный результат".

Не должно поощряться по подобным причинам использование анестезии в стандартных тестах на токсичность. Эффекты обезболивающего также "могли бы дать неточный результат". Информация, полученная в результате испытаний LD50 формирует фоновое основание для этикеток "ОПАСНОСТЬ: ЯД", "ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ", и "внимание" на многих продуктах. Как отмечает Пратт, " даже, когда тест не требуется в соответствии с правительственными нормативами, он часто используется изготовителями лекарств и потребительских товаров в соответствии с гипотезой, что это является защитой против судебных исков о халатности". С этими краткими замечаниями в качестве фона давайте теперь обратимся к моральной оценке испытаний на токсичность на животных, начиная с товаров.

Испытания на токсичность товаров на животных были поставлены под сомнение на основании их ограниченной научной действительности. Проблема экстраполяции результатов испытания на животных на людей является печально известной - например, некоторые вещества (например, бензол и мышьяк) не оказывают никакого заметного токсического эффекта на подопытных животных и все же являются высоко токсичными для людей. Почему это так - неясно, но было показано, что результаты испытаний варьируются в зависимости от времени дня, когда испытание производилось, того, что животные ели, и других тонких переменных. Более того, так как многое уже было изучено о токсичности сильных кислот и алкалоидов, известно, что новые товары, которые содержат то или другое, являются высоко ядовитыми для людей без проведения каких-либо дальнейших испытаний, в то время как известно без дополнительных испытаний, что другие, такие как многие виды косметики, поскольку они содержат химикаты, известные как мягкие, являются неядовитыми. В таких случаях испытания могут быть оспорены на том основании, что они не являются необходимыми. Оба эти способа нападать на токсикологические испытания товаров на животных могут создавать непреднамеренное с точки зрения прав впечатление, что испытания на токсичность на животных были бы морально приемлемыми, если бы только не являющиеся необходимыми испытания были устранены. По поводу этого последнего момента те, кто проводят и поддерживают такие испытания, признавая существующие ограничения, могли бы доказывать, что сама ненадежность существующих испытаний оправдывает проведение дальнейших тестов, чтобы преодолеть недостатки существующих методов. И если те, кто стал бы защищать лабораторных животных возразили, что эти современные научные проблемы не могут быть преодолены, они были бы обвинены в том, что заранее предрешили очень сложный научный вопрос, без адекватного знания и способом, который вызывает и заслуживает обвинение в "антинаучности". Основания, которые нужно выдвинуть против таких испытаний, для того чтобы защищать

лабораторных животных, не могут быть ограничены ссылкой на некоторые вопиюще ненужные испытания (хотя такие испытания проводятся) или демонстрацией сильных недостатков методологии, которая в настоящее время применяется (хотя это и заслужено). Сам институт назначения этих испытаний должен быть атакован в его моральном фундаменте.

Экономические интересы тех, кто вовлечен в предприятия, которые производят эти товары, могут приводиться как причина для разрешения испытаний на токсичность на животных. Точка зрения прав отрицает связанность с моралью этих соображений, когда вопрос идет об отвергании базовых моральных прав. Даже если бы было верно то, что те, кто вовлечен в косметическую промышленность, потеряют некоторую будущую прибыль, если им будет запрещено производить испытания токсичности на животных, это не имело бы никакого морального значения, во-первых, потому что потеря ими прибыли не будет представлять вред, который является на первый взгляд сопоставимым с вредом, причиненным подопытным животным, и во вторых, даже если бы было верно, что кому-то, вовлеченному в эту промышленность, будет причинен вред способами, которые являются на первый взгляд сопоставимыми с вредом, причиненным этим животным - в самом деле, даже допуская, что этот индивидуум был бы поставлен в наихудшую ситуацию относительно состояния животных - это не будет оправдывать продолжения использования этих испытаний. Те, кто участвует на деловом предприятии добровольно, берут на себя определенные риски, включая риск того, что они могли бы быть поставлены в наихудшую ситуацию, если их бизнес потерпит неудачу. Таким образом, даже если бы кто-то вовлеченный в, скажем, косметическую промышленность, был бы поставлен в наихудшую ситуацию, если бы испытания косметики на токсичность на животных прекратились, это не оправдало бы продолжение их использования. Испытания товаров на токсичность на животных являются неправильными, согласно точке зрения прав, не потому, что они представляет собой ненадежные средства для оценки того, что является токсичным для людей, а потому, что они нарушают права лабораторных животных.

Эти приносящие вред испытания нарушают базовое моральное право животных на непричинение вреда. Они должны прекратиться. Точка зрения прав не является антипотребительской или противной защите рабочих. Она не противопоставлена в принципе усилиям минимизировать риск для здоровья, которому подвергаются индивидуумы на работе и на рынке. То, против чего выступает точка зрения прав - это практики, которые нарушают базовые права индивидуумов во имя "общественного интереса". Испытания на токсичность новых товаров, которые причиняют вред животным, попадают в эту категорию. Нужно добиваться, чтобы не допускать товары на рынок, если они были предварительно испытаны на животных.

Осуждение точкой зрения прав стандартных испытаний токсичности на животных не является антипредпринимательским. Оно не отказывает ни одному производителю в свободе представить любой новый товар на рынке, конкурировать с другими, которые уже там находятся, и тонуть или плыть в водах свободного предпринимательства. Все, что отрицает точка зрения прав это то, что токсичность любого нового товара может быть предварительно испытана на животных способами, вредными для них. Неживотные альтернативы не исключаются точкой зрения прав. Напротив, их развитие должно быть

поощрено, как на основаниях общественного интереса, так и из-за законных интересов производителей. Если в ответ нам скажут, что правительственные регулирующие агентства, такие как Администрация по продуктам питания и медикаментам требуют этих испытаний, и что производители только делают то, чего требует закон, то наш ответ в том, что эти агентства не требуют, чтобы какой-либо новый товар производился. Более того, в осуждении существующей практики испытания токсичности новых товаров на животных точка зрения прав не предлагает производителям косметики, например, убрать все их существующие изделия с полки. Вред животным, который был сделан в прошлом, не может быть отменен. Жизненно важный момент состоит в том, чтобы не позволить этому продолжаться в будущем. Производители едва ли могут пожаловаться, что это направлено против бизнеса или против духа системы свободного предпринимательства. Пусть те компании, которые конкурируют на рынке, конкурируют с товарами, которые уже есть, пусть они превосходят друг друга, разрабатывая неживотные альтернативы, пусть добиваются признания научной обоснованности этих испытаний со стороны соответствующих регулирующих агентств. Этот вид конкуренции представлял бы собой парадигму системы свободного предпринимательства в ее наилучшем виде. В ответ будут утверждать, что не существует никаких обоснованных неживотных альтернатив. Это неверно. В случае с косметикой, например, новаторская работа «Красота без жестокости» демонстрирует, что возможно производить и представлять на рынке привлекательные, надежные товары, чья токсичность для людей не была предварительно испытана на животных.

Испытания на токсичность новых лекарств

Кто-то мог бы принять предыдущую критику испытаний на токсичность на животных в случае новых товаров и утверждать, что случай с проведением таких испытаний для новых терапевтических лекарств морально отличается. Наши оппоненты говорят, что для того, чтобы больной человек не страдал от нового лекарства, его предварительно нужно проверить на животных. Если мы этого делать не будем, люди будут подвергаться риску.

Точка зрения прав отвергает такую защиту испытаний. Если я занимаюсь дельтапланеризмом, то я подвергаюсь определенным рискам, включая возможность серьезного повреждения головы, и я буду, конечно, минимизировать мои риски, одевая защитный шлем. Вы, кто не занимается дельтапланеризмом, не имеете обязанности соглашаться служить в испытаниях, которые устанавливают безопасность различных

дизайнов шлема для того, чтобы дельтапланы могли бы стать менее рискованными. Поскольку именно дельтапланеристы оказываются извлекающими выгоду из участия в этом спорте, именно они и должны подвергаться рискам, связанным с участием в этом виде спорта. Они вольны делать все, что могут, чтобы уменьшить риски, которым они подвергаются, но только до тех пор, пока они не принуждают других узнавать то, чем являются эти риски, или как их уменьшить.

Было бы ошибкой предположить, что то, что является верным в случае с деятельностью высокого риска - не является верным в случае с деятельностью низкого риска. Всякий раз, когда я включаю свой тостер, сажусь в лифт, пью воду из крана или из прозрачного горного

потока, я беру на себя определенные риски, хотя и не такой величины, кто занимается парашютным спортом или спускается на каноэ по бурным водам. Но даже в случае того, что я добровольно беру на себя незначительные риски, другие не имеют обязанности добровольно устанавливать или минимизировать мои риски для меня, и права любого, кого заставили делать это против его желания, отвергаются неоправданно.

Минимизирование рисков, которым подвергаются люди, применяющие новые лекарства, проверяя их на животных, не имеет никакого морального отличия. Любой, кто добровольно выбирает препарат, будет подвергаться некоторым рискам, и риски, которые мы выбираем, не могут морально передаваться другим. Принудительно причинять вред другим или ставить других, будь это человек или животное, в опасность вреда, чтобы идентифицировать или минимизировать риски тех, кто добровольно выбирает подвергаться им, означает нарушать права рассматриваемых людей или животных. Лабораторные животные, заимствуя удачную фразу гарвардского философа Роберта Нозика, "это характерные индивидуумы, которые не являются ресурсами для других". Использовать их так, чтобы мы могли устанавливать или минимизировать наши риски, означает обращаться с ними так, как будто они являются "ресурсами для других", в основном для нас.

Точка зрения прав в принципе не противостоит усилиям минимизировать риски, связанные с принятием новых лекарств. Использовать человеческих добровольцев, людей, которые не страдают от конкретной болезни, но которые дают свое информированное согласие как подопытных субъектов, хотя и возможно, но вообще не должно поощряться. Связывать прогресс фармакологии и связанных с ней наук с наличием здоровых, согласных человеческих субъектов само по себе связано с существенным риском, включая то, что некоторые могут использовать вводящие в заблуждение или принудительные средства. Более того, ряды добровольцев бы состояли из бедных, необразованных, и тех человеческих моральных пациентов, чьи родственники не имеют достаточных "сентиментальных интересов", которые могли бы защитить их. Существует серьезная опасность того, что наименее сильная воля будет эксплуатироваться. Более предпочтительной на данный момент является разработка испытаний на токсичность, которые не вредили бы никому - то есть испытаний, которые не вредили бы ни людям, ни животным. Даже в настоящее время разрабатываются многообещающие альтернативы. Утвердить их с научной точки зрения - немалая задача, но это задача, которая должна быть выполнена, если мы продолжаем желать или требовать, чтобы новые лекарства были проверены на их токсичность до того, как они стали доступным на рынке. Проверять их на здоровых человеческих добровольцах опасно в лучшем случае; проверять их принудительно на здоровых животных и человеческих моральных пациентах неправильно. Моральная альтернатива, которая остается, состоит в том, чтобы найти действенные альтернативы.

Лабораторные животные не являются "ресурсом", чей моральный статус в мире состоит в том, чтобы служить человеческим интересам. Они сами по себе являются субъектами жизни, которая может идти лучше или хуже для них как для индивидуумов, логически независимо от любой полезности, которую они могут или не могут иметь относительно интересов других. Они разделяют с нами отличительный вид ценности - внутреннюю ценность - и независимо от того, что мы делаем по отношению к ним, это должно быть уважительным в отношении этой ценности как вопрос строгой справедливости. Обращаться с ними так, как

будто их ценность была сводимой к их полезности для человеческих интересов, даже важных человеческих интересов, означает обращаться с ними несправедливо; использовать для того, чтобы люди могли бы минимизировать риски, которые мы добровольно принимаем (и которые мы можем добровольно решить не принимать) означает нарушить их базовое моральное право обращение с уважением. То, что законы требуют такого тестирования не показывает, что эти испытания являются морально допустимыми; это показывает только то, что сами законы являются несправедливыми и должны быть изменены.

Можно также предвидеть обвинения в том, что точка зрения прав является антинаучной и антигуманной. Это - риторика. Точка зрения прав не является антигуманной. Мы, как люди, имеем равное право на непричинение вреда, право, которое точка зрения прав стремится освещать и защищать; но мы не имеем никакого права принудительно причинять вред другим, или подвергать их риску вреда, для того чтобы мы могли бы минимизировать риски, которым мы подвергаемся в результате наших собственных добровольных решений. Это нарушает их права, и это вещь, которую никто не имеет права делать. Также точка зрения прав не является антинаучной. Она бросает научный вызов фармакологам и связанным с ними ученым: найти действительные с научной точки зрения способы, которые будут служить общественным интересам без того, чтобы нарушать индивидуальные права. Далеко идущая цель фармакологии должна состоять в том, чтобы уменьшать риски для тех, кто использует лекарства.

То, что моральная философия может сделать - это сформулировать и защищать морально допустимые средства занятия наукой. Испытания на токсичность новых товаров и лекарств, вовлекающие животных не являются морально оправданными. Эти испытания нарушают права этих животных. Все они должны прекратиться.

Научные исследования

Можно представить себе кого-то принимающего аргументы, выдвигаемые против испытаний токсичности на животных, но топаящего ногой, когда речь идет о научном исследовании. Отказывать науке в использовании животных в исследовании означает приводить научный и союзный с ним медицинский прогресс к остановке, и это является причиной, достаточной для того, чтобы выступить против этого. Утверждение, что прогресс был бы "приведен к остановке" является, конечно, преувеличением. Не будет преувеличением утверждать, что точка зрения прав требует массового перенаправления научного исследования.

Доминирующая тенденция вовлекает регулярное нанесение вреда животным. Не должно вызывать никакого удивления, что точка зрения прав имеет принципиальные возражения против ее продолжения. Недавняя формулировка довода в пользу неограниченного использования животных в нейробиологическом исследовании резко контрастирует с точкой зрения прав и будет служить как представление критической оценки использования животных в базовом исследовании. Ситуация, как она характеризуется С.Р. Галлистелом, физиологом в Университете штата Пенсильвания, является следующей: "Поведенческая нейробиология пытается установить способ, которым нервная система служит связующим звеном для поведенческих явлений. Она делает это, изучая поведенческие последствия одной или более из следующих процедур: (а) разрушения части возбужденной системы, (в) возбуждения части, (с) применение медикаментов, которые изменяют нервное

функционирование. Эти три метода столь же стары как и сама эта дисциплина. Недавним дополнением - (а) является регистрация электрической активности. Все четыре причиняют животному, по крайней мере, временное потрясение. В прошлом им часто причиняли интенсивную боль, и иногда делают так и теперь. Также, они часто вредят надлежащему функционированию животного, иногда временно, иногда постоянно". Животным, подвергнутым этим процедурам, причиняется вред. Когда речь идет о прогрессе нашего знания в нейробиологии, "нет никакого способа установить связь между нервной системой и поведением без определенной экспериментальной хирургии", где "под экспериментальной хирургией" Галлистел подразумевает включение этих четырех процедур. Вопрос, на взгляд Галлистела, состоит не в том, разрешить ли такую хирургию или нет; а в том, должны ли какие-либо ограничения быть наложены на использование животных. Галлистел думает, что нет. В защиту неограниченного использования животных в исследованиях Галлистел утверждает, что "большинство экспериментов, проводимых нейробиологами, подобно научным экспериментам вообще, может рассматриваться в ретроспективе как трата времени, в том смысле, что они не доказали или не принесли какого-либо нового понимания". "Но, - утверждает Галлистел, - "нет никакого способа отличить заранее эксперименты с пустой тратой времени от полезных". Логическое заключение, как полагает Галлистел, состоит в том, что "ограничение исследования на живых животных наверняка ограничит прогресс нашего понимания нервной системы и поведения. Поэтому", - делает он заключение, - "нужно защищать такие ограничения только, если есть вера в то, что моральная ценность этого научного знания и многих человеческих и гуманных преимуществ, которые происходят от него, не может перевешивать страдание крысы", - нечто, что, Галлистел находит "оскорблением для моей этической чувствительности".

Точка зрения прав отклоняет подход Галлистера на более фундаментальном уровне. Согласно точке зрения прав, мы не можем оправдывать нанесение вреда отдельной крысе просто складывая "многие человеческие и гуманитарные преимущества", которые проистекают из причинения его, поскольку это означает предположить, что крыса имеет ценность только какместилище ценностей, что согласно точке зрения прав, является неверным. Более того, аргумент преимуществ, который разворачивает Галлистел, является несовершенным. Ни с одной отдельной крысой нельзя обращаться, как будто ценность этого животного является сводимой к его возможной полезности для интересов других

Животные, подобно нам, имеют свою собственную ценность, логически независимо от их полезности для других и того, что они являются объектом чьих-либо еще интересов. Обращение с ними требует, чтобы мы не санкционировали методы, которые институционализируют такое рассмотрение, как будто их ценность является сводимой к их возможной полезности для наших интересов. Научное исследование, когда оно связано с регулярным нанесением вреда животным во имя возможных "человеческих и гуманных преимуществ" нарушает это требование уважительного обращения. Животные не должны подвергаться обращению как простые модели или как возобновляемые ресурсы. Таким образом, практика научного исследования на животных нарушает их права. Поэтому она должна быть прекращена. Лабораторные животные не наши дегустаторы; а мы не их короли. Избитое обвинение в антинаучности, вероятно, будет сотрясать воздух еще раз. Это моральная дымовая завеса. Точка зрения прав не против исследования на животных, если это исследование не причиняет вреда этим животным или не подвергает их опасности

вреда. Уместно отметить, однако, что эта цель не будет достигнута просто обеспечением того, что подопытные животные будут подвергаться обезболиванию, или им будут даваться послеоперационные лекарства, чтобы облегчить их страдания или они будут содержаться в чистых клетках со вполне достаточным количеством продовольствия и воды и т.д. Поскольку не только боль и страдание имеют значение - хотя, они конечно имеют значение - но вред, причиненный животным, включая уменьшенные возможности благополучия, которым они подвергаются в результате лишений, вызванных хирургией и их преждевременной смертью. Неясно, является ли мягкое использование животных в исследовании возможным или можно ли ученых убедить практиковать его. Учитывая это и принимая во внимание серьезные риски, вызываемые опорой на устойчивое наличие человеческих добровольцев, исследование должно выбрать направление в сторону от использования любого морального агента или пациента. Если неживотные альтернативы имеются, то они должны использоваться; если их не имеется, то их надо искать. Это моральная задача, которую следует исследовать, принимая во внимание точку зрения прав, и именно те ученые, которые возражают, что это "не может быть сделано", а не те, кто призывает к исследованию, - проявляют недостаток приверженности и веры в научное предприятие и являются антинаучными на самом глубоком уровне. Подобно современникам Галилея, которые не хотели посмотреть в телескоп, потому что они уже были убеждены в том, что они будут видеть, и таким образом, не видели никакой потребности смотреть, те ученые, которые убедили сами себя, что не может быть жизнеспособных научных альтернатив использованию целых животных в исследовании (или испытании на токсичность и т.д.), являются пленниками умственных привычек, к которым истинная наука испытывает отвращение.

Точка зрения прав далека от того, чтобы быть антинаучной. Все, что запрещает точка зрения прав, это наука, которая нарушает индивидуальные права. Если это означает, что существуют некоторые вещи, которые мы не можем узнать, то пусть так и будет. Существуют также некоторые вещи, которые мы не можем узнать, используя людей, если мы уважаем их права. Точка зрения прав просто требует моральной последовательности в этом отношении.

Точка зрения прав бросает вызов тем, кто занимается наукой: продвигайте знание, работайте для общего благополучия, но не посредством разрешения практик, которые нарушают права индивидуума. Таковы условия нового контракта между наукой и обществом, контракта, который хоть и запоздало, теперь содержит подпись тех, кто говорит от имени прав животных. Те, кто принимает точку зрения прав, и кто подписывается от имени животных, не будут удовлетворены чем-либо меньшим, чем полная отмена вредного использования животных в науке, образовании, в испытаниях на токсичность, в базовых исследованиях. Но точка зрения прав не имеет никаких фаворитов. Никакая научная практика, которая нарушает права человека, не может быть приемлемой. И то же самое применимо к животным. Те, кто принимает точку зрения прав, привержены к отрицанию любого и всякого доступа к этим "ресурсам" со стороны тех, кто занимается наукой. И мы делаем это не потому, что мы выступаем против жестокости (хотя мы это делаем), не потому, что мы выступаем в пользу доброты (хотя мы это делаем), но потому, что справедливость не требует ничего меньшего.

Версия #2

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:35:15

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:37:33